

Александр Ерохов

Я как Единое

Сущность христианства и его судьба.
Часть II. Истоки

Александр Ерохов
Я как Единое. Сущность
христианства и его
судьба. Часть II. Истоки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42308834
ISBN 9785449662798

Аннотация

Идея тождества самосознания человека и самосознания Абсолюта как сущностная идея бытия и сущностная идея христианства – предмет исследования настоящей работы. Первая часть была посвящена определению понятия религии. Во второй прослеживается процесс осознания этой идеи в интеллектуальном становлении человека в его историческом развитии от Древнего Египта до Иудеи, Индии и Ирана.

Содержание

ОЗАРЕНИЕ ЕГИПТА	5
История	9
Категория Ка	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Я как Единое
Сущность христианства
и его судьба.
Часть II. Истоки**

Александр Ерохов

Редактор В. С. Васильева

© Александр Ерохов, 2019

ISBN 978-5-4496-6279-8 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-6735-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОЗАРЕНИЕ ЕГИПТА

Когда-то Гегель, погружаясь в духовность Эллады, говорил о том, что человек, возросший на почве западной цивилизации¹, впервые чувствует себя здесь как дома: «У греков мы сразу чувствуем себя дома, потому что мы находимся в сфере духа...» [20, 253]. И всё же... И всё же, два столетия спустя, познав многое из того, что в гегелевские времена только-только начинало приоткрывать себя, мы вправе утверждать, что центр той «сферы духа», о которой говорил

¹ Широкое употребление и многозначность термина «цивилизация» требует некоторых пояснений. Мы понимаем под этим термином не состояние, не некое локальное культурное образование, но *процесс*. Процесс преодоления человеком своей эгоидентичности, преодоления разорванности рассудка. Процесс, который имеет в общечеловеческой истории свою начальную точку и продолжается до сего дня. Начальная точка становления «цивилизованности» человека – мучительное переживание им своей двойственности, осознание им своей разорванности на я и не-я как сущности своего бытия. Конечная точка – осознание своей единственности не только каждому человеку, «общине», «всечеловечеству», но и единственности миру и Я. Противостояние я и не-я, «единство и борьба противоположностей», и есть то противоречие, которое определяет развитие исторического процесса. Достигнутый на том или ином этапе истории уровень снятия этого противоречия порождает различные, устойчивые во времени, локальные формы культурных организмов. В работах Данилевского, Шпенглера, Тойнби эти организмы получили наименование «цивилизации». Гегель не употребляет термин «цивилизованный», но мы вправе предположить, что, говоря «мы», Гегель имеет в виду человека западной цивилизации, человека «свободного», то есть, по нашей классификации, человека, достигшего в своём развитии уровня эгоидентичности, и, значит, в какой-то степени, человека уже «цивилизованного».

Гегель, родовая купель «цивилизированного» человека – это берега Нила. Здесь зародилось и окрепло самопознание человека, здесь, в духовности Древнего Египта, его настоящая родина. И критская культура, питавшая рост эллинов в их младенчестве, и сама Эллада в пору её расцвета, да и весь эллинизм от своего начала и до самых поздних своих византийских отблесков – всё это всего лишь яркое преломление первичной мощи египетского света.

Египет – дар Нила. От частого употребления слова эти несколько поистерлись, но... ведь лучше не скажешь. Действительно, Египет – дар Нила. Определение ясное, краткое, точное. Хотя Геродот и имел в виду только Нижний Египет, влажная почва которого была сформирована многолетними нильскими наносами, мы можем отнести это определение ко всему Египту, от нубийской границы до средиземноморского побережья. Благодатная влага Нила насытила собой многочисленные общины, связав их в единое целое, и этот цветущий слаженный организм на протяжении многих веков служил духовной скрепой всему человечеству. Пронизывающее единство Нила понуждало к поиску компромиссных форм сожительства, правильный ритм его разливов дисциплинировал мысль и развивал творческое мышление, необходимое для выработки различных форм взаимодействия человека и водного потока. Нил дарил свою питающую благодать только тому, кто смог обуздать дикость и влить свою особенность в общее дело. Земледельческий труд, как ника-

кой другой, требует насилия над самим собой, концентрирует мышление на отдалённой цели, выковывает привычку заставлять себя делать то, что должно, а не то, к чему влечёт чувственность. Насилие над самим собой вырывает человека из лап животности, и только насилие над самим собой делает человека поистине свободным. Отдающий себя своим прихотям – раб навсегда. Но чрезмерное насилие над чувством подавляет боевой порыв: земледелец не воин, земледелец – мыслитель. Египтяне по праву славились своим миролюбием – любовь к миру и миру наполняет собой всю историю этого народа. Можно возразить, что памятники египтян, переполненные сценами насилия над врагом, вопиют о том, что это не так, что египтяне были одним из самых воинственных и жестоких народов-поработителей... Но нет. Событийная цепь истории говорит о другом. Обилие сцен насилия на памятниках – это своеобразная психологическая компенсация потаённого миролюбия, потребность внешнего подавления его, призыв к воинственному действию, призыв, не находящий ответа в сердцах египтян. Более сотни лет воинственного самовозбуждения понадобилось египтянам для того, чтобы стряхнуть с себя иго немногочисленных, но свирепых гиксосов. В своих завоевательных устремлениях цари Египта вынуждены были опираться на иноплеменников: в пору наивысшего расцвета своей власти над миром, в период Нового царства, – на ливийцев, к концу своей истории – на греческих наёмников и израильтян. Действи-

тельный дух египтянина проявлялся в нежности отношений с близкими, в постоянной готовности к слиянию с красотой мира, в незлобivosti и трогательной любви к многочисленной живности, населявшей нильскую долину. Любви, доходившей в своих крайностях до самозабвенного поклонения. Действительный дух египтянина – это упорное стремление к справедливости в управлении, к тактичности в отношении с нижестоящим – когда фараон, которого обыденное представление рисует кровавым деспотом, запечатлевает на памятнике свои извинения нечаянно задетому сановнику или молит богов об освобождении от тягот власти хотя бы в потустороннем мире. Действительный дух египтянина – это неизбывная жажда упорядоченности всего и вся. И только она, эта строгая упорядоченность всего и вся, даруя время для отдохновения, позволяла ему погружаться в глубины мышления и из этих глубин подниматься к высотам познания себя и мира. В чём египтянин и преуспел в своё время, как никто другой.

История

Внешняя история Египта, то есть взгляд на историю не изнутри, а извне египетской общности, до воцарения Александра Македонского, традиционно делится на несколько больших периодов: Раннее, Древнее, Среднее и Новое царства, которые перемежаются периодами смут.

Период	Династии	Датировка (все даты - до н.э.)
РАННЕЕ ЦАРСТВО	I - II	3000 - 2700
ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВО	III - VIII	2700 - 2200
ПЕРВАЯ СМУТА (I переходный период)	IX - X	2200 - 2050
СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО	XI - XII	2050 - 1790
ВТОРАЯ СМУТА (II переходный период)	XIII - XVII	1790 - 1550
НОВОЕ ЦАРСТВО	XVIII - XX	1550 - 1070
ТРЕТЬЯ СМУТА (III переходный период)	XXI - XXV	1070 - 664
ПОЗДНИЙ ПЕРИОД	XXVI - XXXI	664 - 330

Устоявшийся в египтологии штамп, представляющий рождение древнеегипетского этноса как объединение двух царств – Верхнего, простирающегося вдоль нильской долины и Нижнего, сформировавшегося на болотистых про-

странствах дельты Нила, всё в большей степени подвергается сомнению. Новые данные рисуют другую картину². Уходит

² Следует, однако, признать, что существование «двух земель» зафиксировано множеством памятников, в том числе в царской титулатуре – так называемое *небти-имя* или имя «по двум владычицам». Действительно, резкие отличия земель дельты и долины Нила и по географическим особенностям, и по составу населения наверняка воспринимались египтянами как «две земли». Но из этого не следует, что эти два региона в архаичные времена были организованы как два царства. Основание, на котором базируется представление о двух царствах, – две короны Египта: Красная – корона Нижнего Египта, и Белая – корона Верхнего Египта. Это представление возникло из различных интерпретаций изображений на знаменитой палетке Нармера, которая, вне всякого сомнения, является памятником объединению двух земель. Один из сюжетов – два фантастических зверя с длинными переплетающимися шеями и сдерживающие этих зверей азиаты – может быть истолкован как две земли, стремящиеся к объединению, и сдерживающие это объединение, препятствующие ему, азиаты. Об устранении этой сдерживающей силы и повествует памятник. Интерпретаторы, придерживающиеся различных точек зрения, сходятся в одном – разные короны, венчающие царя на лицевой и оборотной сторонах палетки, свидетельствуют о существовании двух центров власти, двух царств. Пожалуй, первым из признанных египтологов подверг критике эти представления Ю. Я. Перепёлкин [45, 532]. Но его критика касалась только времени объединения Египта и никоим образом не затрагивала прояснения смысла использования двух корон. По нашему мнению, две короны – это действительно короны Верхнего и Нижнего Египта, но Верхний Египет – это не долина Нила, а «верхний», «небесный» Египет – обитель умерших предков и богов, Египет же нижний – это земной, посюсторонний Египет, обитель живых людей. Царь мыслился как точка единства, средоточие этих двух миров. Двойная корона – ярчайший символ этого средоточия. На «парадной» стороне палетки Нармера царь в короне Верхнего Египта представлен как центр символической сцены покорения дельты, сцены, относящейся к миру верхнему, миру мысли. На обороте царь в короне Нижнего Египта представлен как центральный персонаж реальной сцены, это своеобразный документальный кадр события, имевшего место здесь, в этом – посюстороннем мире. Такие же отличия в ситуациях, где царь представлен в короне Верхнего или Нижнего Египта, можно проследить

представление о двух царствах, но представление о самом процессе объединения множества отдельных общин в единую целостность остаётся неизменным. Впоследствии эти общины – номы – стали территориальными единицами египетской политархии.

Каждый ном имел свои особенности, отражённые в тотемистических культах, возникновение которых терялось в глубинах архаики. Они настолько прочно впечатывались в плоть и кровь общинников, что сохранялись на протяжении всей истории развития древнеегипетского этноса и в смутные времена питали сепаратистские настроения. По всей видимости, процесс объединения долины Нила – Верхнего Египта согласно традиционной терминологии –

и на других памятниках, – например, статуи Снофру в его заупокойном храме: шесть ниш, в центре каждой ниши высокие статуи царя в короне Верхнего Египта, на боковых панелях барельефы того же царя в короне Нижнего Египта меньшего размера, «с почтением» обращённые в сторону центральной статуи. Высота фигур в египетской символике однозначно демонстрировала статус изображаемого – здесь царь человеческий с почтением взирает на себя же в статусе царя богов [39, 65]. На замечательной скульптурной группе «Микерин и две богини» царь увенчан короной Верхнего Египта, что естественно, так как бог в окружении богов должен иметь соответствующие атрибуты [39, 88]. При этом подходе не вызывает сомнений и необходимость существования двух сокровищниц: сокровищницы Верхнего Египта как центра административного управления имуществом богов – храмами и угодьями храмов, и сокровищницы Нижнего Египта как центра административного управления мирским имуществом. Праздник «хеб-сед» также приобретает смысловую завершенность – это процедура преобразования человека в бога. Только один человек в посюстороннем мире может стать живым богом – фараон. В ритуале хеб-сед царь умирает как человек и воскресает уже как бог.

был, по преимуществу, ненасильственным. Разнообразные связи между соседями сплетались в прочную сеть, и в конце концов эта система связей естественным образом была осознана как этническое единство. Инициаторами объединения выступили крайние южные общины, расположенные на землях, прилегавших к первому нильскому порогу и тяготевших к древнейшему египетскому культовому центру Иераконполю, так называемые «Последователи Хора» [64, 38]. Они медленно и упорно распространяли своё влияние на север до границ дельты. Здесь, на границе дельты, была основана первая столица единого царства – Мемфис, объединившая централизованным управлением уже весь Египет: от первых порогов на юге до побережья Средиземного моря на севере. Болотистые низины протоков дельты, изобилующие разнообразной живностью, благодатные просторы зелёных долин между речными рукавами и освежающая их морская влага создавали в этом уголке Африки райские условия для жизни человека. Длительное время эти труднодоступные земли, населённые подвижными племенами воинственных кочевников, оставались для организующего начала египетской общности «диким полем». И если долина Нила – Верхний Египет – объединилась обоюдным стремлением многочисленных общин одной этнической принадлежности к единству, то дельта Нила – Нижний Египет, значительная часть населения которой принадлежала другой этнической общности, была завоёвана.

Взаимодействие и взаимопроникновение двух этносов –

семитов дельты и хамитов долины³ – определяло весь ход дальнейшей истории Египта – от первых династий и до последнего всплеска, вернее, всхлипа, независимого существования во времена правления XXVI саисской династии.

Центральными событиями этой истории, сформировавшими самосознание народа, стали «вторжение» гиксосских полчищ и освобождение от их власти ценой невероятного напряжения сил. Впрочем, по всем археологическим данным, никакого вторжения не было. Таинственные, неизвестно откуда появившиеся и неизвестно куда растворившиеся гиксосы в основной своей массе – это семитическое население дельты Нила. Условия их существования были отличны от условий существования обитателей долины: на болотистых протоках дельты ещё не сложились прочные и достаточно сильные для противостояния внешнему воздействию общины земледельцев⁴. Пастушеские номадические группы семитов свободно перемещались по всей территории как дель-

³ Имена «семиты» и «хамиты» мы применяем условно для обозначения больших, родственных друг другу, но тем не менее имеющих разное происхождение, групп населения. Старое наименование семьи языков, относящихся к пограничным землям Азии и Африки, – семито-хамитская, которую сейчас относят к афразийской семье, по нашему мнению, более точно передаёт смысл процесса взаимопроникновения и взаимовлияния этих групп, которые в историческое время проявляют себя уже в единой языковой стихии.

⁴ Резкое отличие хозяйственной структуры в дельте, где основой производства было скотоводство и виноградарство, и долины, где производилась основная часть зерновых, сохранялось ещё во времена Старого (Древнего) царства [45, 116—117].

ты Нила, так и Ханаана вплоть до северо-западной излучины Евфрата. Будучи более воинственными, по сравнению с оседлыми племенами, они могли держать под своим контролем земледельческие общины и протогорода, развивавшиеся на этих землях. Здесь в продолжение многих веков они были «господствующей расой»⁵, но так и не смогли, по-

⁵ Проблема «династической расы», образовавшей верхний слой, аристократию египетской общности, и объединившей разрозненные общины в политархию, до сих пор не снята и активно обсуждается. Теория существования этой расы основывается на значительных анатомических отличиях останков людей, обнаруженных в богатых захоронениях северной части Верхнего Египта и датируемых поздним додинастическим периодом, от останков местного, более раннего и более многочисленного населения, чьи захоронения, как правило, относят к беднейшим слоям. «Только после окончания периода правления Второй династии мы действительно находим свидетельства того, что средние и низшие слои населения переняли манеру архитектурного оформления своих могил и сам способ захоронения у своих владык» [64, 38]. О слиянии двух этносов свидетельствует и развитие обычая труположения в древних захоронениях. Изначальная ориентация тел – головой на юг, лицом на запад – постепенно вытесняется другой ориентацией – головой на север, лицом на восток. Эта вторая ориентация характерна для аристократических захоронений доисторической эпохи. Кеес достаточно убедительно объясняет это изменение развитием солнечной религии – культа Ра [32, 38—50]. Но это проясняет изменение ориентации, но не первоначальное разноориентированное положение тел. И, пожалуй, единственное объяснение этому феномену – это ориентация тел умерших в сторону происхождения предков. В долине Нила сливались два потока миграций – более ранний хамитский, с запада, и более поздний, семитский, с востока, и именно это отражалось в обычае труположения. Эмери использует для прояснения особенностей взаимоотношений местного населения и «расы господ» аналогию с саксонским покорением Британии. Но, возможно, более точное представление может дать сравнение с ситуацией «призвания варягов» на севере Древней Руси. Скандинавия, подобно дремучей египетской Дельте, была населена воинственным, живу-

добно населению долины Нила, организовать в этническую целостность, объединённую одним властителем. И это стало причиной того, что рассеянные по всей дельте кочу-

щим набегами на соседние земли, народом. И вполне допустимо, что так же как и славянские земледельческие общины, в поисках охраны от набегов заключившие соглашение с дружинами нескольких скандинавских родов, египетские земледельческие общины нильской долины заключили соглашение с несколькими воинственными родами семитической «господствующей расы». Происходившими, правда, не из Дельты, а из Аравии. Они могли попасть в Египет через восточные саванные равнины, простиравшиеся от долины Нила до берегов Красного моря. В те далёкие времена эти саванны ещё не были пустынями – многочисленные «вади», то есть высохшие русла рек, давали достаточное количество влаги обитателям этих мест. Это было не завоевание, а симбиоз. С течением времени представители «расы господ» были полностью ассимилированы местным, более многочисленным, хамитским населением. Этот сплав и породил ту общность, которая в дальнейшем развивалась уже как единый египетский этнос. Любопытный штрих, подтверждающий эти аналогии: борода, в династические времена искусственная, неизменный парадный атрибут египетских фараонов, отличающий их от подданных, является также и основным отличительным признаком азиатов, которых египтяне изображают на своих памятниках. На знаменитой «палетке Нармера» борода фараона, похоже, ещё естественного происхождения, тогда как начиная с фараонов Древнего Царства этот атрибут искусственно прикрепляется к лицу. Это может свидетельствовать о том, что уже представители Третьей династии по своему происхождению были ближе не к «расе господ», а к «коренной расе», большинству населения нильской долины, то есть к этому времени «раса господ» была полностью подавлена и растворена в массе «коренной расы». Ещё один любопытный факт – поразительное сходство фантастических животных на палетке Нармера и животных на оттиске цилиндрической печати урукского стиля (конец IV тысячелетия до н.э.) из Месопотамии [40, 89, рис. 20]. Это – явно идеограмма: попытка передать изобразительными средствами смысл реальных отношений. А сходство в приемах передачи смыслов может свидетельствовать об одном этническом корне, аравийском, семитов – завоевателей Месопотамии и семитов «господствующей расы» Раннего Египта.

ющие группы семитов были приведены к покорности уже организованной в сильную политархию общностью долины. Принуждаемые к подневольному труду⁶, вынужденные довольствоваться ролью простых закрепощённых общинников, они так и не смирились со своим положением, используя любую слабость центрального управления для восстановления архаичной вольницы. Времена гиксосского владычества – это времена смуты, восстаний закрепощённых семитов⁷ против единовластия политархии. Великий Исход, отражённый в библейских сказаниях и продолжавшийся не одно столетие – последний яркий эпизод этой борьбы. Несмотря

⁶ Мотив рабства Израиля в Египте, пронизывающий библейское предание и глубоко запавший в сознание народа, источником своим имел не то, достаточное сносное, положение, которое занимали потомки Иакова, а общее рабство семитских народностей в египетской общине после покорения Дельты. Раб и «сириец», то есть семит с севера, были почти синонимами: особенно отчетливо это проявляется на памятниках Среднего царства [45, 184].

⁷ Здесь имело место, по всей видимости, нечто, похожее на противоборство плебейских и патрицианских родов в истории Древнего Рима. Закрепощённые семиты Дельты (именно Дельты, потому как «раса господ» также имела семитские, но восточные, а не северные, корни) на протяжении столетий постепенно отвоёвывали «права гражданства» в египетской общине. Поражение гиксосов не сопровождалось истреблением семитского элемента. Часть семитов покинула Египет, что отразилось в библейских сказаниях об Исходе. С оставшимися был достигнут некий общественный компромисс. Семиты Дельты слились с хамитами. Это слияние затронуло все слои египетской общины – сверху донизу. Об этом свидетельствует изменение египетского языка – во времена Нового царства, в особенности со времён XIX династии, смешение семитского и хамитского элементов в языке породило фактически новый язык, так называемый «новоегипетский», в котором чувствуется мощная семитская составляющая [34].

ря на своё подневольное положение, семиты оказывали мощное влияние на формирование египетской общности. Множество данных дают основания для предположений о том, что первыми властителями Египта, царями первых двух династий, были семиты. Но не семиты Дельты. Это были «восточные» семиты, в незапамятные времена пришедшие с берегов Красного моря (предположительно по Вади-Хаммамат) и объединившие земледельческие общины речной долины: на юге – до первых нильских порогов, и на севере – до границ дельты. В своей борьбе против областного сепаратизма местной знати цари Среднего царства вынуждены были опираться на талантливых выдвиженцев семитских народностей – история Иосифа тому свидетельство. Правление гиксосов – период наибольшей влияния семитов в египетской общине. Но и после гиксосского владычества элита Египта была наполнена родами семитского происхождения. Возврат к почитанию Сета-Сутеха – божества гиксосов – в период правления XIX династии свидетельствует о значительном влиянии семитских родов в среде военной знати Нового царства. Центр управления страной, как и во времена гиксосов, переместился с юга, из Фив, в новую столицу на северо-востоке дельты – Пер-Рамсес (дом Рамсеса). Новая столица была построена на расстоянии всего лишь одного километра от старой столицы гиксосов – Авариса. Сети I и Рамсес II, похоже, осуществили «ползучую реставра-

цию»⁸ правления гиксосов, то есть семитская ветвь египетской знати вновь получила доминирующее положение при фараонах XIX династии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на протяжении всей эпохи Рамессидов север и юг страны отдалялись друг от друга – юг сохранял верность древним традициям египетской этнической общности с хамитской доминантой, тогда как на севере вновь возобладали семиты-«сирийцы», занимавшие командные посты в египетской армии. С переменным успехом это противостояние продолжалось до конца правления XIX династии и, вполне вероятно, стало причиной её падения. Самый выдающийся правитель новой, XX династии, Рамсес III, умиротворил раздираемую этническими и религиозными противоречиями знать. Но ненадолго. Наследники гиксосов – «сирийцы» вытеснялись из армии, но их места занимали представители другой этнической группы, выходцы с запада – «ливийцы». В конце этой эпохи (XI век до н.э.) южная фиванская теократия в период правления верховного жреца Амона-Ра, носившего имя Херихор, полностью подавила влияние цар-

⁸ Упорное сопротивление народного самосознания легитимации власти XIX династии породило невиданный ни до Рамсеса II, ни после него взрыв строительной деятельности в начале правления этой династии. Преодоление народного сопротивления требовало равносильной пропагандистской кампании, которая в те времена могла быть реализована только в строительстве множества новых памятников и исправлении старых. Строительная деятельность Рамсеса II – это, пожалуй, первое (XIII столетие до Р.Х.) зафиксированное в истории осознанное применение так называемых PR-технологий манипуляции общественным сознанием.

ского дома Рамессидов – и таким, несколько причудливым, образом повторила успех Яхмоса I, освободив страну от нового, уже неявного, доминирования иноплеменников. Была даже объявлена «эпоха возрождения»⁹. Но тело египетского народа к этому времени было уже искусно забальзамированным трупом. Душа отлетела. Мимолётный успех Херихора быстро растворился в застывшей апатии народной массы. Египет, со всеми его древними устоями и неисчислимыми богатствами, оказался под ярмом новой знати, на этот раз – «ливийцев». Египет умер. Но на его статном, богато украшенном бездыханном теле ещё долго паразитировали толпы пришельцев – ливийцы и эфиопы, ассирийцы и персы, греки и римляне. Ещё целое тысячелетие это тело способно было сытно питать их.

⁹ Эпоха «Повторения рождений» [56, 135]. Объявление эпохи было осуществлено Херихором от имени Рамсеса XI. Но идеология этого движения отражала стремление возрождения мощи Египта под знаменем Амона, то есть Фив, как это было в истории Египта уже дважды – во времена Среднего царства и во времена XVIII династии. Словосочетание «повторение рождений» как нельзя лучше выражает эту идеологию. Херихор осознавал себя зачинателем этого движения и основателем новой династии, которая должна была прийти на смену Рамессидам. Его действия в отношении ещё царствующей династии были осторожны, но недвусмысленны. Ю. Я. Перепёлкин применяет термин «возрождение» по отношению к другому периоду времени, более позднему – времени царствования XXVI, саисской, династии [45, 409]. Но едва ли это можно назвать возрождением. Антикварный интерес элиты к седой старине – да, но возрождение... Нет, к этому времени душа Египта уже отлетела. Состояние самосознания народа Египта саисской эпохи отражает хотя бы тот факт, что именно в это время в наибольшей степени за всю историю Египта была распространена самопродажа себя в рабство – какое уж тут возрождение.

Историческое развитие древнеегипетской общности даёт нам возможность выявить и проследить теснейшую связь между развитием общества и развитием сознания человека. Здесь, в нильской долине, нагляднейшим образом представлены все этапы его становления, от архаики до спекулятивности. Любая общность – это диалектическое развитие идеи индивидуальности, идеи Я. Любая общность – это, по сути, новая, более развитая форма всё той же индивидуальности. Живая душа общности – а в Древнем Египте это было проявлено особенно резко – гармония взаимодействия трёх составляющих: интеллектуальной элиты, управленческой знати и трудящихся масс. Гармония мысли, воли и тела. Нарушения гармонии – диссонансы – умерщвляют душу. Но преодоление этих диссонансов, напротив – животворит её. Диссонансы между тремя составляющими и преодоление этих диссонансов – и есть та энергетика, которая питает становление, дарует жизнь индивидуальности. Но гармония, застывшая в своей монументальности, рассыпается в прах, гармония, утратившая способность вырабатывать диссонансы и преодолевать их, есть смерть. Диссонансы между уровнем развития сознания трёх составляющих общности Египта и процессы преодоления этих диссонансов проявлены в его истории как периоды процветания и периоды катастроф. Периоды сублимации воли общности в индивидуальной воле фараона и периоды смут, когда волеизъявление общности рассыпается в множественность эгоцентричных устремле-

ний.

Четвёртое тысячелетие до н.э. – это период высвобождения сознания из скорлупы архаичности¹⁰. Индивиды, осознавшие общность как явление, как силу, способную сохра-

¹⁰ Основной признак перехода от архаичности к рассудку – изменение содержимого погребальной утвари. Архаичное сознание ещё не отделяет мир мысли и сновидений от мира реальности, для него это один, единый, мир. Для архаичного сознания переход из мира реальности в мир мысли в момент смерти – это своеобразный возрастной переход: образ умершего по-прежнему воспринимается в мысли, он является во сне, его существование продолжается в восприятии живущих, это существование точно так же, как и существование реальное, требует питания и бытовой оснащённости. Человек архаичный снабжает погребение всем необходимым – от еды до предметов быта. По мере осознания раздельности мира мысли и мира реального человек архаичный становится человеком рассудочным. Сомнений в существовании загробного мира нет, этот мир существует, поскольку он воспринимается, но это другой мир, мир отражения, мир мысленных представлений. Для человека рассудочного, в отличие от человека архаичного, реальные предметы этого мира бесполезны – они не нужны в мире потустороннем, в мире, где всё есть мысль, мысленный образ. Поэтому реальные предметы в потустороннем мире достаточно сохранить в образе. Обилие еды и вещей заменяется в гробницах обилием изображений, надписей и моделей, в которых душа ушедшего в мир иной получает всё необходимое через созерцание образа. В Древнем Египте этот сдвиг в сознании проявляется уже со времён второй династии уменьшением количества погребального инвентаря, а начиная с пятой династии, гробницы и поминальные храмы покрываются подробнейшими красочными изображениями. Обычай снабжать умершего предметами первой необходимости сохраняется вплоть до Нового царства, но это уже скорее дань традиции, в большинстве своём это вещи, которые сопровождали умершего при жизни и были дороги его сердцу и уму, а не служили удовлетворению физических потребностей его тела и продолжению его прижизненного ремесла. В Среднем царстве получает распространение обычай толкования сновидений, и это значит, что сновидение окончательно отделяется от реальности. Сновидение осознаётся как знак реальности, который должен быть истолкован, но не как сама реальность.

нять себя во времени, отождествляли себя с этой общностью и тем самым пробуждались к рассудку, к первой его ступени – групповой идентичности. Они осознают мир как противостояние «мы» и «они». Именно эти индивиды становились зародышем элиты – и управленческой, и интеллектуальной. Их воление было всецело направлено на сохранение этой общности, поскольку их самоощущение полностью сливалось с общиной: сохраняя общность, они сохраняли собственную самость. Это воление неизбежно проявлялось вовне как насилие над соплеменниками, насилие над массой, всё ещё пребывавшей в плену полуживотного состояния, в плену архаики. Только насилие – насилие внешнее, над соплеменниками, или внутреннее насилие, насилие над самим собой, – может оторвать внимание архаичного человека от сиюминутной потребности, потребности в пище, в наслаждении, в праздности. Внутреннее насилие над самим собой, обретение власти над самим собой, порождает первичную элитарность. Но только *внешнее* насилие может заставить архаичного человека возделывать поле или рыть оросительный канал. И это же внешнее насилие постепенно вырабатывает в архаичном человеке способность контролировать себя, заставляя себя совершать действия, направленные на достижение отдалённой, не сиюминутной, цели, то есть способствует его выходу из состояния архаичности, выковывает его волю, поскольку воля это и есть *осознанное* устремление к отдалённой цели. Воление элит вырасти-

ло кристаллы многочисленных земледельческих общин, способных сохранять себя как индивидуальность в окружении таких же общин-индивидуальностей на всём протяжении нильской долины. Но для того, чтобы эти кристаллы были собраны в единое ожерелье, необходима была сила, пришедшая извне этих общин. Должна была появиться другая общность, не привязанная к какой-либо территории, общность, осознающая своё единство как *господство*, форма существования которой основывалась не на земледелии и не на скотоводстве, а на воинственности. Именно эта цементирующая Египет общность и проявила себя в истории как «династическая раса». Район происхождения этой общности ещё не обнаружен – существуют разные подходы и разные гипотезы, но само существование «династической расы», воинственных пришельцев, сплотивших Египет в единое целое, подтверждается археологическими данными. Во времена правления первых двух династий различие между «династической расой» и местными племенами постепенно растворялось, и к моменту воцарения III династии появилась общность, осознающая себя уже как единый этнос. Наступили «золотые века» Древнего царства, которые на протяжении всей дальнейшей истории воспринимались египтянами как самый счастливый период их существования.

Рис.3 Палетка Нармера (см. примечание 2)

И действительно, Древнее царство – это время наивысших достижений египетского интеллекта, время гармонии и процветания. В эту эпоху был достигнут тот уровень духовности, выразившийся и в архитектуре, и в изобразительном искусстве, и в религиозном видении мира, который в последующие времена уже никогда не будет превзойдён. Всё то, что было создано после, – это взгляд в прошлое, попытка понять и высветить те вершины интеллекта, которые уже были достигнуты в период цветущего поиска, ещё не замутнённого пеленой устоявшихся представлений, не скованного жёсткими рамками тысячелетней традиции. Это попытка реконструкции и возврата в счастливую эпоху здоровья и пылкой энергии юности. Но действительный возврат в «золотые века» был невозможен. Ибо уже к концу эпохи Древне-

го царства общество было поражено тем недугом, который, подобно раковой опухоли, медленно, но неотвратимо проникал во все поры организма, разрушая живую ткань и приближая час гибели. Эгоидентичность, рассудочный эгоцентризм, – вот та универсальная болезнь, которая умерщвляет любой цивилизационный организм от века и доныне. Мощная нильская цивилизация сопротивлялась действию этого яда на протяжении двух тысяч лет, но противоядие так и не было найдено.

Свидетельство развития рассудочности сознания элит в первой половине эпохи Древнего царства – активная разработка и соперничество различных вариантов космогоний и теогоний, формирование жреческой храмовой традиции. Интеллект уже не удовлетворён сохранением и передачей от поколения к поколению древних мифов о сотворении мира, пропитанных анимистической наивностью, интеллект требует *логической* завершенности, выстроенности мифа в убедительную цепь последовательности действий. Миф уступает место мифологии. Закон исключения третьего, логика рассудка овладевает сознанием избранных и от них разливаётся в элиту. Поначалу это оплодотворение элит рассудком благотворно влияет на состояние общины. Волна интеллектуального поиска смывает застылость архаики и порождает великие памятники творческого усилия – пирамиды, шедевры изобразительного искусства, новые формы организации труда, новые мировоззренческие концепции, происхо-

дит первая фиксация знаний в медицине, астрономии, математике, создаётся первое в истории подобие академии наук – «Дом жизни». Но нет добра без худа, точно так же, как нет и худа без добра. Эти достижения невозможны без освобождения личного – уже *личного* – сознания от пут групповой идентичности. Человек осознаёт себя как отдельность своего мира от мира внешнего, «мы и они» возвышается до «я и они». Эгоидентичность горделиво заявляет о своём рождении¹¹. Но только лишь в элитарном слое Египта. Низовые массы, народ, по-прежнему остаются в архаике. Незыблемость представления о божественности фараона в умах знати поколеблена. И строительство пирамид – попытка утвердить это уже рассыпающееся представление мощными наглядными образами. Вопреки устоявшемуся мнению, величественные пирамиды свидетельствуют не о силе фараона. Напротив, они свидетельствуют об ослаблении его культа в сознании знати. Начиная с V династии фараон уже не бог – он всего лишь сын бога. А к завершению царствования VI

¹¹ Вельможеские гробницы второй половины Древнего царства дают нам наглядные доказательства торжества эгоидентичности. Изображения, формирующие образный мир Ка, мир двойника, выстроены в этих гробницах как сопряжённость эго и мира. Владелец гробницы удаляет из мира Ка все тяготы этого мира и насыщает его образами счастливой жизни; каждый вельможа выстраивает свой эго-мир, где он сам есть центральная точка мироздания, мир, никак не пересекающийся с эго-мирами других вельмож и эго-миром самого фараона. В мире Ка «...человек становился... независимым от стоящих над ним начальства и царя. Так в идеальном мире разрешался парадокс земной жизни – сочетание всеобщей иерархической подчинённости и осознания ценности личности» [11, 227].

династии атрибут божественности отделяется от видимой фигуры фараона и перемещается в потусторонний мир – настоящим богом фараон остаётся только в «имени своём как Осирис». В этом, посюстороннем, мире фараон – человек, он становится богом только там, на небесах, в мире потустороннем. Но и я, вельможа, здесь, на земле, в этом мире, тоже человек. Физиологически я ничем не отличаюсь от фараона. А это значит, что и там, в потустороннем мире я, так же как и фараон, могу стать богом. Происходит так называемая «демократизация культа Осириса», когда уже любой умерший вельможа величает себя Осирисом. Скрепка общины разрушена. Представители знати, сначала столичной, а потом и провинциальной, всё больше и больше обособляют себя в скорлупе «моё» от общинного «государева». От поколения к поколению эти вельможеские скорлупы становятся всё более прочными, охватывая собой всё новые и новые пространства, до тех пор, пока, наконец, полностью не разрывают единую ткань общины на множество самостоятельных единиц имущества, «принадлежащего телу» такого-то. Эти обособленные единицы начинают борьбу за то, чтобы втянуть в себя возможно большую часть многочисленного простого люда, всё ещё остающегося в плену наивной архаики. Пробуждаясь от архаики, сознание простых общинников находит себя в групповой идентичности. Но эта идентичность опирается не на всеегипетскую общину, а на общину места, общину нома, связанную единством культа предков.

Зло торжествует – начинается война всех против всех, война множества эгоидентичностей представителей элиты за своё признание. Каждая из скорлуп стремится к полновластию над всем Египтом. Но победит сильнейший. И власть его будет основана уже не на единстве непосредственной согласованности действий сообщества Древнего царства, во многом ещё архаичного, а на грубом принуждении, насилии центральной администрации над эгоцентризмом вельможеской знати. Струна эфемерной стабильности эпохи Среднего царства, стабильности «взаимного гарантированного уничтожения», натянутая при властителях XI и XII династий, вибрирует от полюса единоличной деспотии фараона к полюсу эгоистичных устремлений вельмож на протяжении нескольких сот лет. Вся конструкция держится на всеобщем страхе: страхе фараона перед ежеминутной готовностью его окружения воспользоваться любой его слабостью для захвата власти и на страхе знати быть уличённой в этих стремлениях. Струна, натянутая до предела Аменемхетом III, наконец рвётся, и страна вновь погружается в хаос борьбы эгоизмов друг против друга. Вновь, уже во второй раз, Египет погружается в кошмар смутного времени. Мимолётные центры власти возникают то там, то здесь и сразу же испаряются, как пузыри в кипящем бульоне. И в этом бульоне заживо варятся тела простолюдинов, готовых отдать любому, лишь бы избавиться от этой пытки. Пришествие гиксосов спасает общину от окончательного ухода в небытие. Власть инородцев стано-

вится отрезвляющим толчком для гибнущего народа. Элита осознаёт своё единство как национальную идею и идентифицирует себя с этой идеей. Эгоцентризм наконец-то преодолён, и сознание элиты цементируется в крепкое ядро идеоидентичности, структурирующее вокруг себя сферу народного тела. Масса простолюдинов по-прежнему осознаёт себя в групповой идентичности, но эта идентичность приобретает новое качество. Это уже не приверженность месту, ному, это уже идентичность всеегипетская – групповая идентичность массы, скреплённая пронизывающей всю толщу сферы идеоидентичностью элит. Гармония восстановлена. И не только Египет, но и вся ойкумена вступает в полосу процветания. Новое царство Египта своим блеском затмевает всё окружение, ибо нет в мире силы, способной противостоять этой гармонии – гармонии идеи, воли и тела. Но в застывшем монолите идея не живёт. Борьба внутри элиты разгорается с новой силой, но это уже не война эгоцентризмов, а война идей. Период правления Аменхотепа IV, Эхнатона, – момент наивысшего напряжения этой борьбы. Гармония мысли, воли и тела снова нарушена. И на этот раз – окончательно. После идейного переворота Эхнатона и насильственной реставрации традиционной идеологии прочность сферы разрушается новой напастью – к эгоцентризму пробуждаются массы простолюдинов, и этот широко разливающийся поток атомарных эго уже ничем не остановить – ни силой, ни убеждением. Египет умирает.

Категория Ка

Среди мировоззренческих конструкций, порождённых коллективным сознанием древнеегипетской общности, категория Ка, без всякого преувеличения, является основой основ. На протяжении всей истории Древнего Египта духовное становление египтян развивалось в русле этой категории. Ка – это центр мысленного видения древнего египтянина. Категория Ка определяет не только его познавательную деятельность, она определяет всё его обыденное существование. Изю дня в день, на протяжении всей жизни, египтянин готовился к загробному блаженству. Всё то, что для современного человека Юнг вкладывал в понятие «индивидуация», для египтянина было тем, что он знал в имени Ка. Но для нас, людей современной культуры, адекватное понимание категории Ка почти невозможно. Наше мышление пронизано густой сетью архетипических наслоений, формировавших наш интеллект на протяжении столетий уже после угасания египетской духовности. Но... упорство и усердие требуют вознаграждения. И после множества тщетных попыток прояснить первичный смысл того, что есть Ка, туман устойчивых представлений современного рассудка начинает понемногу рассеиваться. Наконец-то найден метод, позволяющий приблизиться к адекватному пониманию человека, отдалённого от нас во времени на несколько тысячелетий. Ме-

тод всё ещё не совершенный, требующий доработки, но уже дающий действенные результаты. В основе этого метода – попытка реконструкции психики древнего человека, попытка «войти» в его разум, и, с *его* точки зрения, *его* глазами, увидеть те памятники, которые сохранило для нас время¹². Бурная полемика по поводу идентичности сознания человека древнего и сознания человека современного, начатая ещё Леви-Брюлем, длится уже более сотни лет, но... воз и ныне там. Похоже, что и в этом споре, по примеру корпускулярно-волнового дуализма в физике, восторжествует принцип «оба лучше». Впрочем, так оно и есть – «оба лучше». Конечно же, в чём-то наше сознание идентично древнему, а в чём-то – нет. Определение меры и конкретных черт этого «в чём-то» – трудноразрешимая задача, которую должен ставить перед собой любой историк, приступая к изучению той или иной исторической эпохи. Реконструкция психики человека именно *этой* исторической эпохи может основываться только на углублении в собственное сознание, само-

¹² По свидетельству учеников и современников, активным сторонником, а может быть, и зачинателем этого метода был Ю. Я. Перепелкин, выдающийся исследователь, вклад которого в египтологию должным образом не оценён и ныне. Применение этой методики позволило получить действенные результаты А. О. Большакову в его монографии «Человек и его двойник». Мы не можем согласиться с основным выводом этой работы о том, что Ка – это мир мыслимых образов, проецируемых в действительность через изображение, но тем не менее необходимо признать, и признать с благодарностью, что наше понимание категории Ка основано на результатах, полученных А. О. Большаковым в его исследовании.

наблюдении и самоанализе. И это – базовая задача, задача, от решения которой напрямую зависят результаты всей работы исследователя.

Культура Древнего Египта – это своеобразный первоцвет в интеллектуальном становлении человечества. Она замкнута на саму себя. Все этапы инволюции сознания, от архаики до спекулятивности, развивались внутри этой культуры в чистом виде, без всякого влияния извне, просто потому, что во времена её цветения нигде – ни вблизи, ни вдали – не было организма, подобного этой культуре, а когда она уже отцвела и опала, большая часть человечества всё ещё пребывала в состоянии глубокой архаики. Другая особенность этой культуры, отличавшая её от всех последующих, это глубочайшая пропасть между уровнем сознания интеллектуальной элиты, вельможеского слоя и масс простого люда. А посему и ответ на вопрос о том, в чём наше сознание идентично древнеегипетскому, а в чём от него отлично, зависит, во-первых, от той временной точки в истории цветения этой культуры, которую мы рассматриваем, и, во-вторых, от положения того или иного индивида в социальной структуре египетской общины. Было бы большим самомнением считать, что наше сознание по уровню интеллекта выше сознания древнего египтянина поздней эпохи – эпохи Саисского возрождения, например. Или представителя высшего сословия времён Древнего царства, опиравшегося на непрерывную многовековую жреческую традицию и на многолетнее личное со-

вершенствование в образовании себя. Достаточно взглянуть на портретный бюст царского сына Анххафа, чтобы увидеть и почувствовать мощь интеллекта, которая светится в этом лице. Причём интеллекта, уже подёрнутого иронией. Много ли встретится таких лиц в современном учёном многолюдье? Уровень обыденного сознания нашего времени примерно соответствует обыденному сознанию египтян эпохи Рамессидов, когда ржавчина эго быстро разъедала ткань общины. Единственное отличие в том, что сегодня это уровень сознания среднечеловеческий, тогда как в эпоху Рамессидов он был достигнут только лишь в тесных границах древнеегипетского сообщества.

Рис.4 Портретный бюст царского сына Анххафа

В рамках той классификации знаковых систем, которая уже была рассмотрена нами в первой части, категория Ка – это тотем – развивающийся во времени комплекс представлений, связующий собой разрыв между я и не-я в сознании египтянина. История Египта от первых династий и до своей завершающей фазы времён Рамессидов – это одновременно и история становления рассудка, постепенного осознания человеком раздельности я и не-я, а значит, и история становления тотема Ка.

В современной египтологии устоялось представление – и, следует признать, хорошо обоснованное представление – о том, что Ка – это Двойник, мысленный образ живущего ныне или жившего когда-то в прошлом человека, проецируемый в мышление через зрительное восприятие его «копии» в реальном мире. Инициировать возникновение такого образа может только видение. То есть восприятие через видение – либо непосредственно живущего человека, либо его изображения, либо – со времени позднего Древнего царства – восприятие через видение и понимание текста. Иероглифический текст и изображение в восприятии египтянина вплетены друг в друга так прочно, что процесс чтения, привычный для нас, был для него чем-то иным – процессом, где смысл проясняется только наложением ряда картин, иными словами – смысл должен был быть «виден». Исходя из этого, категория Ка накрепко связывается современными исследо-

вателями с восприятием оригинала или его копии в изображении: нет изображения – нет Ка. Но, с нашей точки зрения, Двойник – видимый образ оригинала – это только часть комплекса тотема Ка. И часть отнюдь не главная. Изначальный смысл категории Ка для древнего египтянина – это *отражение*, то, что в современной психологии определяется как рефлексия – способность отображать в мысль подлежащую, воспринимаемую органами чувств реальность, в том числе и самого себя. То есть Ка – это не единичный объект, мысленный образ или реальное изображение, Ка – это *способность* проецировать отображение себя и мира в пространство мышления, отображение «не-я» в «я». Это – *способность*. Именно поэтому Ка обладает атрибутом энергии: Ка может быть слабым – и тогда век его бытия недолог, Ка может быть мощным – и тогда бытие его может быть продлено в веках, «живёт он вечно вековечно». Для того чтобы сохранять энергию, Ка требует насыщения, и ритуал, поддерживающий Ка умершего человека, связан, прежде всего, с процедурой насыщения. Если эта способность, способность рефлексии, то есть Ка, сохраняется – человек продолжает своё бытие и после застывания в мумию. Если же эта способность утрачена – человек прекращает своё существование. В представлении современного человека жизнь прекращается тогда, когда тело становится бесчувственным, останавливаются дыхание и сердцебиение. В представлении древнего египтянина жизнь прекращается тогда, когда утрачена спо-

способность рефлексирования, когда утрачен Ка. Жизнь и Ка неразрывны, по сути – это одно и то же. Повседневный опыт древнего египтянина наглядно свидетельствует о том, что живой образ отсутствующего здесь или умершего человека продолжает своё бытие в пространстве мышления. Здесь, в пространстве мысли, он есть и после своего телесного упокоения – его можно видеть, с ним можно общаться, более того, являясь во сне или в мысленном образе, умерший человек может, так или иначе, влиять на посюстороннее существование живущих. То есть – человек *жив* до тех пор, пока он проявляет себя в мысленном пространстве живущих как активная единица¹³. «Виртуальная» часть Ка, мысленный образ, присутствует везде, где некто воспринимает изображение «телесной части» Ка или просто *думает* о конкретном человеке. Но Ка, как способность отражения, это всегда бинарная сущность¹⁴. Ка невозможен *только* как мысленный образ, Ка требует сохранности той своей части, которая вос-

¹³ «Томимый суеверным страхом перед преследованиями мстительного мертвеца, в эпоху Нового Царства некий вдовец написал случайно дошедшее до нас письмо своей покойной жене, где заклинает ее оставить его в покое, напоминая ей о своих прежних заботах и угрожая возможным судом богов». [32, 58]

¹⁴ Здесь следует ещё раз подчеркнуть первичность бинарных оппозиций в развитии сознания человека. На обширном этнографическом материале это показали исследования Леви-Стросса. Сходные представления можно обнаружить в становлении любой общности. Осознание этого феномена порождало его культ. И не только у египтян. Наиболее близка к представлениям египтян концепция Инь-Ян в духовности Китая. У италиков осознание бинарности мира проявлено в культе двуликого Януса.

принимается как реальная, посюсторонняя. Отсюда упорное стремление египтян сохранить тело умершего навечно в его мумии или, если это невозможно, хотя бы сохранить «присутствие» тела в пустоте пеленальной оболочки, повторяющей в мельчайших деталях его рельефность¹⁵, или, если и это невозможно, сохранить реальное присутствие тела в посюстороннем мире в виде портретной статуи, статуи «по жизни». Потусторонняя, «мыслеобразная» часть действительности – это обитель богов, именно там пребывают их вечные образы. Боги, так же как и люди, обладают Ка: видимое Солнце – это посюсторонняя часть Ка Ра, мысль о Ра – это потусторонняя часть Ка Ра, реальный Нил – это посюсторонняя часть Ка Хапи, мысль о Ниле – это потусторонняя часть Ка Хапи. И после смерти, когда человек продолжает своё бытие только как мысленный образ, он приобщается к этому божественному миру, становится его частью, становится богом. Фараон – это воплощение самой сущности Ка: чувственно воспринимаемое живое единство двойственности мироздания – посюсторонняя часть Ка в красной короне и потусторонняя часть Ка в белой короне. Отсюда устойчи-

¹⁵ «... египтяне делали все, что было в их силах, дабы сохранить если не тело целиком, то хотя бы видимость живого человека... внешность покойного моделируется путем наложения бинтов таким образом, чтобы лицо, торс и конечности сохраняли форму тела даже после того, как тело разложится и от него останется только остов... Данная процедура давала столь великолепный результат, что псевдомумии периода Второй династии выглядят чуть ли не пугающе – почти как живые люди» [64, 188].

вое присутствие категории Ка в царской титулатуре. Фараон – это Ка мира, ось взаимоотображения телесности этого мира и образности мира запредельного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.